

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАКЛЮЧЁННЫЙ

В защиту
рижского активиста
Рулана
ПАНКРАТОВА

30 июля Службой государственной безопасности Латвии задержан Руслан Панкратов — журналист, общественный деятель, лидер партии "Рицибас" ("Действие"), депутат Рижской думы с 2009 по 2017 год, глава НКО "Русский мир Латвии".

В качестве обвинения ему предъявлены "действия в интересах России" по статьям о "преступлениях против мира и публичном прославлении и оправдании военных преступлений", а также о "нарушении установленных ЕС санкций". Сложно поверить, что это юридический язык "демократической" страны: подобное больше походит на риторику оголтелой русофобской агитки, где под "военными преступлениями" понимаются исключительно российские действия.

Что же такого крамольного на протяжении многих лет делал Руслан Панкратов "в интересах России"? Организовывал в Латвии фестивали "Дни российского кино" и православный кинофестиваль духовно-нравственного кино "Радонеж", занимался сбережением памяти о Валентине Пикуле: способствовал открытию памятной доски на доме писателя в Риге и аглелл его имени; проводил конкурс сочинений по произведениям русских классиков среди латвийских старшеклассников и студентов "Золотое пёрышко". На всех этих мероприятиях, между прочим, присутствовали официальные власти Латвии. На Открытый фестиваль телекомпаний Московской области "Братина" Руслан присылал авторские документальные фильмы, в которых проникновенно рассказывал о латвийских писателях и художниках.

Он активно противостоял притеснению русского языка, решительно выступил против проявлений нацизма и был одним из немногих среди латвийских граждан, кто публично осудил в 2022 году запрет празднования Дня Победы и намерение снести памятник советским воинам.

Если за свободу культурной и языковой идентичности, за историческую правду и вообще за здравый смысл сегодня стоит только Россия, то Руслан Панкратов, действительно, на её стороне.

При этом он никогда никого не призывает на баррикады, не агитировал штурмовать резиденцию "латвийских прокураторов", скачущих по заокеанским штатам, как Понтий Пилат по Римской империи. Боль Руслана — это боль за всю Прибалтику, которую стремятся превратить в безлюдную зону отчуждения между Россией и Европой, чтобы две цивилизации не имели возможности соприкасаться. Без таких людей, как Руслан, судьба Латвии предрешена: ей отведут лишь скромный уголок в музее исчезнувших народов Европы.

Руслан Панкратов — это голос тех, кто не может или не осмеливается говорить открыто, тех, кто убежден, что единственная песня, которую латыши, эстонцы и литовцы могут спеть хором, при этом оставшись самими собой, — гимн Советского Союза.

Западный мир, по мысли Руслана, сегодня очень неоднороден, ныне там возникают новые водоразделы. Англосаксам (США, Великобритания, Канаде, Австралии, Новой Зеландии) неудобно не только Россия, но и историческая Европа. Именно англосаксы — режиссёры её заката, они норовят убить в ней последние созидательные смыслы, последние отголоски Средневековья, свидетельства духовной высоты. Европа без Дамы, Рафаэля, Дюрера, Сервантеса, Рембрандта, Баха, Гёте, Балзака мертва. А именно такой она рискует оказаться в скором времени.

Но не как общественного и политического активиста боятся Руслана Панкратова ставленники англосаксонского мира. Здесь потаённый, метафизический страх. Руслан — воплощение человека новой, нарождающейся на наших глазах цивилизации, в которой Россия поворачивается на юго-восток Азии. И этот евразийский поворот может стать спасением и для Европы, и для Прибалтики.

Руслан — исповедник Православия, но ему вняты культура и философия Индии. Это человек масштаба критика и искусствоведа Владимира Стасова, что в русских былинах, лубках и орнаментах разглядел синтез славянского, европейского и азиатского. Руслан Панкратов смотрит на мир омичи Николая Рериха и видит княгиню Ольгу, Сергея Радонежского, "Будду Испытателя", изобразки башни, боярские терема Костромы, Гималаи, тибетские крепости. Покровитель Руслана Панкратова — святой апостол Фома, которому выпал жребий проповедовать в Индии, где он выстроил царю небесный дворец, раздав нуждающимся деньги, выделенные на строительство земного дворца.

"Чаше смотрите в небо", — призывает Руслан. Там обетованные небесные чертоги, там небесное Отечество, там гармония и благоденствие. Привнести подобную гармонию в нашу жизнь способны не многие. И эти немногие неудобны тем, кто свет вражду и разрушение. За гармонию теперь ненавидят, преследуют, держат в неволе. Но что такое неволя? Где она? Возможна ли она?

Однажды мы гуляли с Русланом по саду нашего общего друга. Руслан осторожно касался розы, не срывая её с куста, не тревожа лепестков, вдыхал аромат, слегка целовал бутон, что то шептал цветку, будто говорил с Розой Мира. Я видел тогда абсолютно свободного, живущего в согласии с самим собой человека.

Держись, брат! Молимся за тебя. Молимся, чтобы над твоей головой как можно скорее вновь засияло небо. Небо справедливости, небо Евразии, за которую ты так радуешь.

Михаил КИЛЬДАШОВ

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ собой наше нынешнее Министерство энергетики РФ? Я почему-то уверен, что положение об этом ведомстве, которое условно можно называть "конституцией Министерства энергетики России", мало кому известно. Мы по инерции думаем, что полномочий у него никак не меньше, чем имелося у его предшественника времён СССР, но это совершенно не так. Это положение разрабатывалось в начале 1990-х, принято в 1994 году, с тех пор и действует, хотя, конечно, с многочисленными изменениями, дополнениями и изъятиями из текста, который был разработан теми самыми "малычками в розовых штанах" времён Егора Гайдара.

Если совсем коротко, то полномочий у Минэнерго России не просто меньше, а намного меньше, чем было у Минэнерго СССР, и это несмотря на то, что российский Минэнерго вобрало в свои недра сразу несколько министерств, имевшихся у страны Советов. Конечно, состав советских министерств неоднократно изменялся, дополнялся и расширялся, но к 1991 году, который, к огромному сожалению, стал последним для СССР, у нас имелись следующие министерства, имеющие самое непосредственное отношение к энергетической отрасли: Министерство атомной энергетики и промышленности, Министерство нефтяной и газовой промышленности, Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, Министерство угольной промышленности, Министерство химической и нефтеперерабатывающей промышленности, Министерство водохозяйственного строительства, в ведении которого находилось и строительство ГЭС, и Министерство энергетики и электрификации.

Был единый народнохозяйственный, как тогда говорили, комплекс, в составе которого имелись собственные НИИ, КБ, тесно сотрудничавшие с целым рядом других министерств, которых тоже было несколько. Интересы развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК) во

пачку ненашенских банкнот в руки — и уже можно объявлять тендер среди западных компаний с соответствующими компетенциями. И это не только гарантивало нужный результат в нужные сроки, а ещё и ажиотаж среди западных компаний создавало: мало там месторождений осталось, мало места для приложения сил и извлечения прибыли.

Могло Минэнерго переломить эту тенденцию? К сожалению, ответ отрицательный: нет у Минэнерго таких полномочий, не вбьют они в положение о его работе. Дивная картинка получилась: государственные компании сами по себе, не менее государственное министерство — само по себе, поскольку всё, на что оно имеет право — собирать статистику. Ровно таким же заинтересованным, но только посторонним наблюдателем Минэнерго является и по отношению к Росатому, хотя тут вопрос не так прост.

16 мая 1992 года министром топлива и энергетики России был назначен Владимир Лопухин, выпускник экономического факультета МГУ, научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования. Проработал гигантское количество времени — с должности его сняли через целых две недели. Следующим министром стал Юрий Шафраник, нефтяник и один из отцов-основателей крупной частной нефтяной компании. В августе 1996-го Шафраник ушёл с поста министра, а дальше происходило нечто удивительное: за следующие четыре года на посту министра энергетики у нас побывали ещё шесть человек, включая такого деятеля, как Борис Немцов. Так что это даже хорошо, что бывший Минсредмаш, а потом Минатом никогда под контролем вот такого Минэнерго не был.

В СОВРЕМЕННОМ Министерстве энергетики России есть департаменты, отвечающие за развитие газовой, нефтяной и угольной отрасли, за развитие газо- и нефтепереработки. Специалисты Минэнерго участвуют в

того, что ФАС и прочие финансово-экономические группировки в правительстве рабочие документы 25-летней давности превратили в непрекращаемые.

Сейчас ситуация острейшая, но инерция мышления не желает исчезать из голов многих и многих государственных чиновников. Европейский рынок сбыта наших энергоресурсов у нас с вами на глазах выполняет церемонию сэппу-ку — собственными руками вспарывает себе пузо, а взвирающийся на сие действо Ядзюшка Сэм готовится ещё и голову отрубить. Семь-восемь лет — и этого рынка не станет окончательно и бесповоротно, господа бюрократы. А без нефтегазовых и угольных доходов обмелеет государственный бюджет России — их доля в нём при нынешних ценах наверняка опять окажется выше 50%, и куда нам без этих процентов? Логика подкашивает причины и следствия, логика позволяет сделать выводы, способные кардинально изменить ситуацию. Для выстраивания причинно-следственных цепочек нужно не так уж много — требуется видеть факты и принимать их как данность, не пытаясь напустить сверху туман идеологии.

ПОСТАВКИ НЕФТИ и природного газа Советский Союз начинал на рубеже 1960–1970-х годов. На тот момент не только наша страна разительно отличалась от нынешней России, тогда и Евросоюз был совершенно иным. Европейские государства не шарахались, как чёрт от ладана, от участия в реальной экономике, не падали в обморок при необходимости подписать долгосрочные контракты, на десятки лет вперёд определяли правила игры. Игры, в которой не было проигравших. ЕС обеспечивал себя энергетическими ресурсами надёжно, предсказуемо и по самым минимальным из возможных цен. Нет, я не о том, что руководители СССР по щелчку пальцев торгиполис предоставлять огромные скидки, а о том, что европейские и советские внешнеэкономические организации общими усилиями строили нефтепрово-

нефть, газ и уголь, одумаются, и всё будет так же, как и раньше", — лейтмотив, который отказывается исчезать из голов.

Президент России всем нам вслух: "Нет, ребята, старое уходит навсегда, настало время напрягаться в поисках новых решений, новых маршрутов, новых партнёров". Большинство чиновников в ответ молчит, головой кивает, но думать-то продолжает всё о том же: "Ну год, ну два — и всё вернётся на привычные рельсы. Ресурсы — в Европу, отпуска — в Европе, недвижимость там-сям, но лучше в той же Европе, а из Европы — любые необходимые технологии. А как же иначе, как же по другому-то, это ведь неизбежно, любые изменения приведут к катастрофе..."

Два масштабнейших проекта строительства СПГ-заводов: Арктик СПГ-2 и Балтийский СПГ, — были заявлены на технологию от одной компании — немецкой Linde. A Linde не справилась с давлением со стороны правительства Шольца и вынуждена была заявить о своём уходе. Проектная мощность Арктик СПГ-2 — 19,5 млн тонн, проектная мощность Балтийского СПГ — 13 млн тонн, в пересчёте на обычное состояние газа два этих проекта могут обеспечить экспорт 45 млрд кубометров — треть прошлогодних объёмов, поставленных в Европу.

ПРОГРАММА импортозамещения стартовала в 2015 году, но что Газпром, что НОВАТЭК не особо рвались выполнять её. Возможно, я чего-то не понимаю, но в появлении нашей, российской, технологии крупнотоннажного сжижения природного газа у нас заинтересованы: НОВАТЭК, Газпром, Роснефть с её газовыми месторождениями в рамках "Восток Ойла" и ЯТЭК с её проектом СПГ-завода на берегу Охотского моря. Весьма внушительный пул, квартал не самых последних компаний, Минпром — пятый палец, который позволит собрать усилия в кулак. Он же и укажет: слабые места — вот тут, тут и тут. Часть денег на НОКОРы даю я, государство, остальное — вы. Давём вот этому НИИ,

ение стоит, у нас судостроение в объёмах не растёт, у нас энергетическое машиностроение на параллельном импорте. "Понятно-понятно, начинать думать про акционный налог на жидкую сталь". Минпром думает — а не отменить ли?

ЗАГРУСТИЛИ от услышанного? Я тоже восторгов от того, что Минэнерго сидит на минимуме полномочий, не испытываю. Радует только одно — судя по всему, этим минимумом Минэнерго намерено научиться пользоваться по полной. То, что забыли в 1990-х отобрать, называется управление Единой энергетической системой (ЕЭС) России. Наши электростанции, если крупными мазками, — конечная цель существования и функционирования всего нашего ТЭК. Добываем уголь, чтобы в наших домах и квартирах было светло и тепло. Добываем газ, чтобы в наших домах и квартирах было светло и тепло. Добываем и перерабатываем нефть, чтобы обеспечить электростанции дизельным топливом и мазутом, чтобы в наших домах и квартирах было светло и тепло.

Что ещё нужно, чтобы в наших домах и квартирах было светло и тепло? Электростанции России должны работать, как сыгранный оркестр, не путая ноты и не срываясь в какофонию. Эта станция на ремонте — сосед должен выручить, тут резко вырос спрос — а мы вот отсюда киловатт*часов подкинем. Дирижёр ЕЭС раньше звался ЦДУ (Центральное диспетчерское управление), теперь — СО (Системный оператор), и он подчинён Минэнерго. Перекинем киловатт*часы по ЛЭП? Конечно. Федеральная сетевая компания (ФСК) отвечает за электромагистраль — ЛЭП с напряжением 500 кВ, поскольку именно такие ЛЭП обеспечивают максимальный объём перетока.

Пару слов из школьной программы. Нам с вами из розеток для наших приборов нужны не 220 вольт, а объём электроэнергии. Не верите? В платёжики посмотрите — мы платим за киловатт*часы, а это объём электроэнергии. Киловатт — единица мощности, вот мощность-то, в конечном счёте, мы и оплачиваем. Потребляем в течение часа киловатт — платим за киловатт*час. А электрическая мощность — это произведение (результат умножения) напряжения на силу тока. Хотим перекинуть побольше киловатт — значит, желаем передать как можно большую мощность. Но чем выше сила тока — тем больше потери в проводах, поскольку, грубо говоря, сила тока застав-

Борис
МАРЦИНКЕВИЧ

Пора вернуть полномочия Министерству энергетики

всём их многообразии обеспечивало Министерство геологии. Энергетическим машиностроением занимались сразу два Министерства: машиностроения общего и тяжёлого. Надёжной базой для всех планов было Министерство станкостроительной и инструментальной промышленности, не отставали от него Министерство радиопромышленности и Министерство промышленности электронной, а также Министерство электротехнической промышленности и приборостроения.

Кто постарше, тот помнит, что ни одно из этих министерств без работы точно не сидело, каждое из них отвечало за россыпи заводов и фабрик, общими усилиями они решали ещё и всевозможные транспортные проблемы.

Казалось, что разорвать на отдельные клочки такой агломерат невозможно в принципе, но младодемократы под крылом вечно пьяного Ельцина умудрились добиться именно этого. Нет у нас больше Министерства угольной отрасли, у нас вообще нет государственных угольных компаний. Частники уверенно отказались от отечественной горнодобывающей техники, и сейчас 80% такой техники в российском углепроме поступают из-за пределов России.

Исчезли Министерства нефтяной и газовой промышленности, Министерство строительства для этой промышленности и Министерство химической и нефтеперерабатывающей промышленности заодно. На их местах — Роснефть, Газпром, Газпромнефть, которым на день сегодняшний пока ещё законодательно запрещено возвращать себе интеграционные функции. Почему? По мысли прословутых реформаторов РСФСР — исключительно для того, чтобы дать простор не менее прословутым эффективным частным собственникам. Контроль за этой странной линией поведения отдан в руки ФАС. Это у нас такая специальная организация, которая в упор не желает видеть результатов, к которым пришёл Евросоюз, 22 года тому назад решивший, что принципы либеральной экономики можно натянуть и на энергетическую отрасль.

И у нас, если не было столько лет государственной воли развивать не отдельные направления ТЭК, а всю отрасль комплексно, — разве мог быть результат другим, чем тот, что мы сейчас наблюдаем? Наиболее доступные месторождения нефти, природного газа и угля постепенно переходят к поздним стадиям выработки, крупным компаниям поневоле приходится обращать всё больше внимания на ТРИЗы (трудноизвлекаемые запасы).

Так уж сложилось, что конкретно заняться этой проблематикой мы в советское время не успели — СССР не был идеальным государством, трудностей у нас во все времена хватало. Валовой объём добычи энергетических ресурсов в 1960-е и 1970-е годы рос, как на дрожжах, месторождения мелкие и сложные фиксировались, но их разработка откладывалась на потом. Или языком рыночников: спроса не было, потому предложение и не сформировалось. А вот в Европе спрос был: в этой части света намного меньше месторождений, поэтому европейцы и выработали их куда быстрее, чем мы в своей стране, и с технологиями разработки месторождений с ТРИЗами там приступили куда раньше.

Что характерно, приступили они там с учётом нашего, советского опыта. Помните, как на рубеже 2000-х и 2010-х досужие газетчики без устали потчевали нас сенсациями на тему американской сланцевой революции? Заголовок были хлесткими, яркими, а вот скучную историю о том, что развитие технологии гидроразрыва труднопроницаемых коллекторов в Соединённых Штатах стартовало в 1979 году, что государство США в эту программу развития инвестировало более 200 млрд тогдашних долларов, предпочитали просто не вспоминать.

И что получилось? Вот услышав Роснефть, Лукойл, Сургутнефтегаз, вот лицензия на разработку месторождения с ТРИЗами. Готовых отечественных технологий разработки просто нет, а риск снижения объёмов добычи есть. И что было делать? Вкладываться в восстановление порушенных НИИ и КБ, собирать разогнанных в разные стороны чужбоскими ваучерными порогами специалистов по всему белу свету, а потом несколько лет финансировать НОКОРы и ждать положительных результатов, которые можно от опытных образцов довести до уровня промышленных? Нет, пошли по другому пути. Тьму баррелей тем же европейским потребителям,

разработке соответствующих стратегий и программ развития, вот только нет у них полномочий жёстко контролировать частные компании, которые на сегодня оплещивают собой все эти отрасли. Разумно это или нет? На мой взгляд — нет. Решения, принятые по Минэнерго в начале 1990-х с их тотальным разгулом либерализма, не пошли нашей стране на пользу.

Доказательства того, что либеральные принципы в энергетике недопустимы, что они до добра не доведут — в огромном изобилии по ту сторону нашей западной границы. Еврокомиссия судебным молотком вколотила в законодательные базы государств, входящих в состав ЕС, все положения Третьего энергопакета (ТЭП), с остервенением заставив применять их на практике. Повальная приватизация энергетических гигантов, ранее контролировавшихся государственными структурами, дробление крупных компаний, допуск на энергетические рынки всех стран любых компаний, пожелавших на этих рынках поиграть в бесконечные либеральные экономические игры.

Не так давно по всем СМИ прокатилась волна публикаций о том, что крупнейший партнёр Газпрома в Германии, компания Uniper едва ли не кланится у государства помощи в размере 9 млрд евро. И судя по всему, Uniper эту помощь получит: у ФРГ уже есть опыт спасения тонувшего в 2020-м авиаконцерна Lufthansa. Помогли деньгами, но не в виде кредита или субсидий — федеральное правительство стало владельцем 20%-ного пакета акций этой компании. Есть пакет акций авиационной компании, появится и пакет акций компании газовой — алгоритм отработан, зачем изобретать велосипед?

Действительно, изобретать не надо, а вот к истории этого дурачливого агрегата присмотреться стоит. На сегодня контрольным пакетом акций владеет финский Fortum, который выкупил его у немецкого частного концерна E.ON. А тот ещё раньше выкупил контрольный пакет акций у (вниманию!)... немецкого правительства. И название Uniper было придумано именно тогда, когда компания контролировал этот самый E.ON. А первое имя у компании Uniper известно очень многим — в девичестве это был знаменитейший Рургаз. Рургаз, который первым привёз в Западную Германию газовую магистраль из Сибири, который первым стал поставлять наш газ сначала немецким, а потом и прочим европейским потребителям. Приватизировать Рургаз, чтобы соответствовать новомодным трендам и ТЭП, а потом национализировать, когда стало видно, что где не учёл трудностей момента.

Германия делает это, не находясь под санкциями, а под давлением очевидных обстоятельств, которые вдалбливают в самые чутлившие лыби простую, но незбытную истину: либеральные принципы применять в энергетике нельзя! Россия — под санкциями, но ФАС, как цепной пёс, готово порвать глотку любому, кто косо посмотрит на вбитые Гайдаром и его присными положения. Добыча, транспортировка, продажа нефти, газа и угля — отдельно, Минэнерго — отдельно. Так ведь не кто-то, а сам Егор Тимуров вот тут начертать изволили!

У газовой отрасли и нефтяники нет собственного машиностроения, нет ОКБ, которые могли бы брать на себя НОКОРы. Газпром и Роснефть контролируются государством, а новые буровые вышки, компрессорные станции, трубы большого диаметра — в частных руках. Из-за пандемического падения спроса на буровые работы половина нефтесервисных компаний и сейчас балансирует на грани банкротства, добывающие компании после того, как каналы поставки технологий и оборудования были наглухо перекрыты обезумевшим Диким Западом, тоже не рады, но над всеми проблемами в горных высях парит ФАС.

Мы упорно продолжаем гнать на экспорт наши невозобновляемые энергоресурсы неперерабатываемыми и сами себе удивляемся: а что это мы делаем-то? А делаем мы то, к чему сами себя и приучили, — катимся по колее, не соображая, что нужна совершенно иная, с другой траекторией. Уничтожить шесть из семи министерств, составивших энергокомплекс во времена СССР, отобрать у Минэнерго максимум полномочий, раздробить ТЭК как балансируемую, уравновешенную систему и сидеть удивляться — потрясающе умный рецепт, что ещё сказать. Не только не ликвидировать явное отставание с технологиями разработки и добычи ТРИЗов, но ещё и собственные проблемы на ровном месте создать — вот результат

Фото Всеволода ТАРАСЕВИЧА

ды и газопроводы, чем и обеспечивали самый дешёвый способ транспортировки. Получая новые объёмы сырья, выигрывала и наша страна — можно было разрабатывать долгосрочные программы развития добывающей отрасли, задействованных в совместных с Европой проектах промышленных отраслей, заниматься газификацией регионов, по которым шли стальные магистрали.

Я не буду касаться прочих подробностей, напомним только о том, что непосредственное строительство наших экспортных нефтяных и газовых трубопроводов началось после 1974 года, то есть после мирового нефтяного кризиса. Для Европы СССР на тот момент был партнёром в разы более надёжным, чем страны ОПЕК: страна плановой экономики была предсказуемой, сотрудничество с нами было крайне выгодным.

Если коротко, то на тот момент Евросоюз боролся за непреложные ценности — за собственную энергетическую безопасность и энергообеспеченность. И результаты совместной работы были исключительно положительными, хотя политические отношения Советского Союза и Западной Европы в те годы были весьма драматичными. Именно тогда закладывалось то, что мы и сейчас наблюдаем: политика — отдельно, экономическое сотрудничество — отдельно. Ввод советских войск в Афганистан, политические волнения в Польше на рубеже 1980-х, с которыми справлялись без оглядки на кучерявые словеса про права человека. Западные политики вполнакала по этому поводу, но трубы укладывались на свои места, компрессорные станции уверенно гнали углеводороды в адрес европейских компаний.

Ничего не напоминают? СВО и поставки по ГТСУ — это продолжение той же традиции. Хороша ли эта традиция? Эмоционально многие из нас, да я и сам порой, чего уж то скрывать, хотели бы, чтобы кто-то грозный в Кремле прохнул кулаком по столу: "Ни грамма нефти этим европейцам, ни сантиметра газовой трубы в работу!" Но эмоции обанкрывают факты: 50% поступлений в государственный бюджет обеспечиваются экспортом энергетических ресурсов. В годы сотрудничества с Советским Союзом в Западной Европе тоже хватало эмоций, но уже в нашу сторону: "Ни одного дойчмарка, ни одного франка этим Советам за то, что они душманов по ущельям уничтожают!" Но эти европейские эмоции обрывались теми, кто тихо так напоминал: без нефти из СССР сюда придётся расстелиться ковром у ног ОПЕК, без советского газа встанут электростанции и химические предприятия.

Что теперь? Европа кулается в волнах энергетического кризиса, которые норовят вырасти до размера девятого вала, мы же стоим перед риском обвала денежных поступлений. Но привычка думать, что ничего не меняется, вьелась в мышление наших правительственных чиновников намертво. "Вот сейчас они там помучаются с бешеными ценами на

вот этим КБ, к КБ стыкуем вот этот, этот и этот заводы. Нормально, возражений нет? Есть? Хорошо, давайте скорректируем, давайте за объёмы финансирования поторгуйтесь. Теперь — всё? Тогда вперёд, время пошло.

А что слышим? Минпром предлагает увеличить налоговые льготы на ведение НОКОР при разработке технологий сжижения. Вот кто захочет НОКОРами заниматься — тому льготы и дадим. Кто займётся? "Ну, это вы там сами решайте, я-то, Министерство промышленности, ни при чём". Тут прямо крикнуть хочется: верните полномочия Министерству энергетике, господа хорошие! Профессионалам верните, которые отрасль понимают, которым нужна новая отрасль промышленности, а не отчёт в красивой папке на тему: "Мы молодцы, мы вон как славно работаем, мы галочку в отчёте в 3D формате научились рисовать. Почему работаем так, а не иначе? Так ведь год-два, и Евросоюз одумается, снова всё будет, как всегда было. Чем что-то там менять, можно сидеть на берегу и ждать, когда мимо проплывёт труп врага — это ведь великопеленная мудрость".

Ну проплывёт — а жрать-то ты что будешь, сиделка на берегу? Встань на ноги, сиделка, порки старые залатай и топой ножками землю пахать да зерно сеять. Вот пример: Таймыр, Сырдаксайское месторождение дефицитного и дорогого ископаемого угля. Лицензия — у частной корпорации АЕОН, уже строящая порт, обогатительная фабрика, электростанция, возится техника. Глава корпорации: "Для вывоза потребуются 16 балкеров ледового класса, готов долгосрочно зафрахтовать у нашего государственного Совкомфлота". Министерство промышленности: "А нету!" АЭОН: "Выйдем на полную мощность, будем готовы фрахтовать 46 балкеров". Минпром: "Вот это да..."

Свежая новость: Минпром думает о том, чтобы расширить мощности двух предприятий Объединённой судостроительной корпорации. Каких именно, в каких городах? "Мы ду-ма-ем". Слышь, Минпром, а мы ещё хотим Севморпуть сделать международной трассой, нам арктических балкеров, арктических контейнеровозов нужно в разы больше. "Не мельтеши — видишь, сиюю и думаю". Слышь, Минпром, ещё в 2014 году было посчитано, что России не хватает 600 торговых судов, наши компании сейчас за перевозку нефти и угля в два раза больше платят, потому как санкции. "И что? Я же вот уже — сиюю и думаю". Не хотим возродить Министерство судостроения? До 90% необходимых судов требуются под перевозку энергетических ресурсов — дайте полномочия Минэнерго! 80% горнодобывающей техники — импортное, Минпром. Может, сейчас, после введения санкций, что-то сами будем делать? "Уже есть решения о параллельном импорте, таскайте вашу технику через Казахстан с Турцией, с Китаем договоритесь". Минпром, у нас по году объём металлургической продукции упадёт на 20% по минимуму, у нас автомобильстро-

ляет металл нагреваться. Чем меньше сила тока — тем меньше потери. Снизили силу тока, но подняли напряжение — уменьшили потери. 500 кВ (500 тысяч вольт) — сумасшедшее напряжение, зато силу тока можно держать минимальной, делая минимальными и потери. ФСК — собственник и оператор Единой национальной электрической сети (ЕНЭС). Но нам, потребителям, тысячи вольт в розетке как-то без надобности, потому напряжение приходится снижать — чем ближе становится конечная точка потребления, тем меньше нам требуется вольт. ФСК — это самые мощные ЛЭП, построенные для передачи электроэнергии на самые большие расстояния.

Но у каждого дома, у каждого промышленного здания ставить трансформатор, то есть преобразовывать переменного тока с 500 кВ до 220 В — это безумно дорого, поэтому используется другая тактика. Огромное напряжение, подобравшись к городам-посёлкам, промышленным узлам, поступает на подстанции. На них снижают напряжение в разы, от подстанции разбегается большее количество ЛЭП, идя уже к конечным потребителям. Потери на этом этапе снижаются просто за счёт более коротких расстояний.

Аналогия с газопроводами совершенно очевидна. ЛЭП самого высокого класса напряжения — это магистральные газопроводы, ЛЭП более низких классов — это распределительная сеть. Отвечают за них Россети, и они тоже находятся под единоначальным руководством Минэнерго. Поскольку расстояния более короткие, то Россети работают по отдельным регионам, потому и отделений у них много — 15 межрегиональных сетевых компаний. Но если посмотреть на картину в целом, то важен именно триумвират: СО — ФСК — Россети. Это диспетчеризация и распределение электроэнергетики, остающиеся в государственном управлении.

Господа либералы начала 1990-х называли это трио "естественные монополии", и никакие реформы их не коснулись. Благодаря этому энергетическая система России осталась одним из главных скрепляющих нашу территорию системообразующим элементом. В силе остались принципы, заложенные в ЕЭС ещё разработчиками и создателями: проблемы в электрообеспечении Питера должен иметь возможность решить Новосибирск, на выручку Улан-Удэ должен быть способен встать Ростов. Но есть и коренное отличие от ЕЭС СССР: магистральные и распределительные сети, диспетчерское управление — это государство, а вот сами электростанции (за исключением атомных и тех, которыми управляют государственные Русгидро и ИнтерРАО) — частные. Для гармоничной, слаженной, гарантированно надёжной обеспеченности каждого нашего потребителя у нас Минэнерго и трудится 24 часа в сутки круглый год, балансируя интересы частные и государственные. Работа, мягко будь сказано, далеко не самая простая, но без неё — никуда.